

Участие устьяков в защите Отечества в период Смутного времени

В канун отмечаемого в нашей стране Дня народного единства Устьянский краеведческий музей предлагает вашему вниманию рассказ об участии устьяков в защите Отечества в период Смутного времени.

Как известно, День народного единства приурочен к празднованию освобождения Москвы от иностранных (польско-литовских) захватчиков, которое произошло в первую неделю ноября 1612 года (по новому стилю).

Однако Смута – первая в истории России гражданская война, отягощенная иностранной военной интервенцией, – в ноябре 1612 года не закончилась.

После разгрома под Москвой 22–24 августа (1–3 сентября) 1612 года польско-литовского войска, отдельные отряды поляков (чаще имевших название «литвы»), украинских казаков, состоявших на польской службе («черкасы»), и примкнувших к ним русских казаков и изменников (известных под именем «воров») устремились на Север.

Интервенция захватнических отрядов, сопровождавшаяся грабежами, поджогами, пытками и убийством людей, не была одномоментным событием и осуществлялась не из единого центра.

Можно выделить, как минимум, три крупные волны нашествия захватчиков на территорию современных Вологодской и Архангельской областей.

Первая волна нашествия случилась во второй половине 1612 – начале 1613 гг. 22–25 сентября 1612 г. была захвачена и разграблена Вологда. В декабре 1612 г. враг осаждал Кириллов монастырь и Каргополь. В январе 1613 г. были захвачены Конецгорье, Тотьма, Сольвычегодск; враг подступил к Устюгу, но устюжане смогли отбить нападение.

Вторая волна нашествия была в конце 1613 – начале 1615 гг. Через Белоозеро, Каргопольский и Важский уезды враг подступил к Емецкому острогу, а в декабре 1613 г. безуспешно штурмовал Холмогоры. Затем часть сил неприятеля двинулась обратно в Важский уезд, а часть двинулась через Поморье и Онегу в общем направлении на Каргополь. В августе 1614 г. через Каргопольский уезд на Онегу и Вагу (и из Важского уезда в обратном направлении) вновь проследовал неприятель. Та же ситуация повторилась в ноябре 1614 г. и в январе 1615 г., когда через Каргопольский уезд прошли *«татарове и черкасы многие люди из Важского уезда, на Онегу реку»*.

Третья волна нашествия была в конце 1618 – начале 1619 гг. 24 ноября 1618 г. был отбит штурм Тотемского острога, но враг разорил посад и уезд. В декабре 1618 г. в Вологде был разорен Спасо-Прилуцкий монастырь. 10 января 1619 г. казаки находились в районе Шенкурского острога. В 1619 г. разорению подверглись деревни Едемских на Ваге, Усть-Пуйский приход, волости Каргопольского уезда.

В сохранившемся архиве Дмитриевской земской волостной избы сохранились отдельные документы, отражающие трагические и героические события с 1612 по 1619

год, свидетелями или непосредственными участниками которых были крестьяне Устьянских волостей.

Так, в одном из документов отражено разграбление захватчиками Вологды: *«грех ради наших злые воры, богоотступники, Вологду выжгли город, и церкви Божьи зажигали, и казну грабили»*. После случившегося «верховажня» – жители либо Верховажья, либо Верховажской четверти Важского уезда – прислали в Устьянские волости *«грамоту о Совете, как от воров избывати»*, т.е. предложили собраться на Совет для выработки единого плана действий против захватчиков.

Благодаря одному из документов удается достаточно точно датировать разграбление Вельска – *«на Вельском воры ...теплой храм зажгли Ивана Милостивово канун Афонасьева дни»*, т.е. накануне 18 января (скорее всего, 1613 года).

В одном из документов Дмитриевского архива сказано о разграблении Тотьмы и Маркушевского монастыря на Кокшеньге (в Кокшеньгской четверти Важского уезда): *«Тотьму воры литовские выжгли и высекли наголову и Никольской монастырь на Маркуше выжгли же и высекли»*.

Об этих событиях ранее было известно из других источников. Вместе с тем, устьянские документы открывают нам и новые страницы истории.

К их числу относятся действия «воров» на Кулое, с их «матицей» (главным отрядом) в Верховажье в количестве 500 человек; разведка «воров» в районе Кокшеньгского острога с их «матицей» в Ромашеве, которую отбросили от острога *«бояра и дети боярские и посоха засухонская»*, не дожидаясь прихода *«Усольской силы»* на Устью, и некоторые другие.

Совершенно ранее неизвестным фактом является наличие упоминаемой в документах Дмитриевского архива «Минской засеки», – оборонительного сооружения к югу от Устьянских волостей на Мине (в Минской волости Кокшеньгской четверти Важского уезда). Где точно находилась эта засека, сказать трудно. Под Миней может пониматься как небольшая река, левый приток Кокшеньги, так и вся бывшая Минская волость, находящаяся на юге современного Устьянского района.

Засеки с древнейших времен строились на южных рубежах Руси для обороны ее от набегов степняков. Они представляли собой завалы леса рядами или крест-накрест в сторону противника и дополняли собой естественные препятствия местности. Для отражения интервенции на Севере засеки сооружались по дорогам в виде завалов леса в несколько полос. Иногда наряду с засеками в оборонительную систему входили опорные пункты в виде небольших острогов.

Аналогичную ситуацию мы видим и на Минской засеке. Хотя она располагалась на территории соседнего Важского уезда, в охране ее принимали участие устьяки. Очевидно, что засека перекрывала дорогу, идущую по левому берегу Кокшеньги в Устьянские волости, и располагалась на пути вероятного наступления противника.

В одном из писем сообщается, что на Миню «прибегли» крестьяне с Коленьги (притока Кулоя) с вестью о том, что воры убивают и разбойничают на Кулое, а «матица»

воров находится в Верховажье («воры на Кулуе жгут и людей секут и деревни жгут и скот секут нещадно, а матица де стоит на Верховажье – пять сот»). В ответ на это крестьяне Устьянских волостей отправились поголовно на Миню, видимо, ожидая оттуда нападения. Следует предположить, что другой возможный маршрут движения захватчиков пролегал от Верховажья через Кулой и Коленьгу на Миню.

В качестве вероятного места существования опорного пункта Минской засеки можно рассматривать древнейшее оборонительное сооружение, находившееся в устье р. Пукомы. Пукома – правый приток Кокшеньги, впадает в нее напротив деревень Матвеевской, Моисеевской и Скочевской, которые в народе до сих пор носят общее название: «*Усть-Пукома*». В 2013 году объединенной археологической экспедицией САФУ им. М. В. Ломоносова и Соловецкого музея-заповедника было раскопано Усть-Пукомское городище в 2 км севернее д. Матвеевской. На нем были найдены в числе прочего обугленные остатки деревянной конструкции сохранившейся части земляного вала. Очевидно, оборонительное сооружение было захватчиками сожжено. Радиоуглеродные даты позволяют связать происхождение городища в основном с событиями Смутного времени начала XVII века.

Административно деревни Усть-Пукомы входили в Заячерицкую волость, но следует иметь в виду, что в пределах современного Устьянского района на р. Кокшеньге существовала крайняя чересполосица, восходящая к древнему разграничению новгородских и ростовских владений. Севернее Минской волости находились пять Каменногорских деревень Устьянской Ростовской волости, чуть севернее – деревня Петраково Минской волости, чуть севернее три деревни (Усть-Пукома) Заячерицкой волости, севернее, начиная с Каргачево, находились деревни Ракульской волости. Очевидно, Минская засека могла быть общим оборонительным сооружением крестьян всех близлежащих волостей.

О существовании опорного пункта засеки и ее довольно высоком оборонительном статусе говорит существование на ней безымянного воеводы, упоминаемого в одном из документов. На засеке также был дьяк, с помощью которого велась переписка, а когда его не стало, то *«некем отписать стало дело ускорное»* (т.е. срочное), и вместо дьяка на засеке присутствовал грамотный священник. С засеки производилась активная разведка: направлялись группы людей *«в подъезд»* (сообщается о взятии в плен языка), обобщались вести из различных мест и отдавались распоряжения в волости о посылке провианта и людей с оружием по мере необходимости.

Отряжались на защиту сначала поволостно *«ратные люди»*, а потом и *«с дыму по человеку»*, и *«поголовно»* все устьяки – от мала до велика. Оружием служили и пешни, и топоры, в одном из документов упоминаются лучники. Сообщения об отправке людей и другие вести передавались из волости в волость и доходили до верховьев Устьи – до Дмитриевской земской избы, где документы в конце концов и сохранились. Язык сообщений соответствует военному беспокойному времени, в них содержатся опасения, призывы о помощи, просьбы волостей *«не подать»*, т.е. не предать друг друга, энергичные распоряжения. В них с новой стороны открываются действия крестьянских миров в Устьянских волостях, с их известной традицией самоуправления. Документы отражают драматизм ситуации, когда люди оказались перед прямым риском гибели, но

защищают себя и свою землю от захватчиков, свою малую Родину, а в целом – свое Отечество.

Оказались ли их действия Устьянских волостей в событиях Смутного времени эффективными? С одной стороны, предания о «поляках» на Устье дошли до нашего времени. Сохранились отдельные сведения и в исторических источниках: так, в деле крестьян Чадромской волости один из них Гулько Андреев сказал: «Бегали мы с Посником Шибаевым на Сузем [в д. Шастов Починок либо Шилов Починок] от литовских людей разоренья», – значит, поляки на Устье точно были.

В одном из документов начала 1615 года говорится: «...А збор, государь, мал, потому что Тотьма и Тотомской уезд и Устьянския волости от литовских людей и от черкас и от казаков разорены и многия люди высячены». При этом следует иметь в виду, что Устьянские волости занимали довольно обширную территорию и состояли из трех непосредственно не граничащих друг с другом частей, поэтому сложно сказать, были разорены Устьянские волости все или только частично. А. Л. Станиславский сообщает, что в марте 1615 г. были бои казаков с правительственными войсками в Устьянской Никольской волости, т.е. на средней Устье. В 1619 г. в Устьянских волостях по итогам разоренья был произведен дозор. Тем не менее, можно с определенной долей уверенности утверждать, что Устьянские волости не подверглись такому сильному разорению, как соседние административно-территориальные образования. Согласно, писцовой и межевой книге 1645/46 г., убыль дворов в результате польско-литовского нашествия фиксировалась только в одной Устьянской Чушевицкой волости. Некоторые отряды разбойников приходили на Устье и по окончании Смутного времени.

Литература:

Истомин А.А. Устьянские волости в событиях Смутного времени // Защитники Отечества: Материалы научных конференций: XXXIII и XXXIV общественно-научных чтений по военно-исторической тематике, Архангельск, 2014, 2015 гг. – Архангельск, 2016. Вып. 14. С. 25–31.

Истомин А.А. Документы о прошлом Устьянских волостей в Смутное время / Мартынов А.Я., Беличенко А.Е., Потуткин Н.С. Средневековые городища Устьянского края. XI–XVII века: материалы и исследования. Архангельск, 2016. С. 243–254.

Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 109, 111.